

Эссе

УТРО

Живой организм России и её народа воспринимаешь как что-то надличное, не властное тебе и твоему разумению, когда наблюдаешь, как он, этот дух народный, дух пространств и истории, распоряжается судьбами поэтов и их наследием. Ничего, ничего несправедливого в тихом и задумчивом просеивании зёрен и плевел. Всё насильно выпячиваемое в конце концов перекраивается и перешивается по заслугам, всему «аз воздам»... Дитя истинно народное от поэзии вынашивается утробой Родины в течение двух-трёх десятков лет. Никаких слишком отдалённых перспектив на звание «народного»! Никаких «сто лет – и признают!». Ещё беременная гениями, родина слышит стук родимого сердечка, любимого сына или дочери. Мало что приоткрывается «за дымкой веков», если нет родимой пуповины. Вотще все стенания по непризнанности, отчуждению от материнской груди. И вот это ВНЕ НАС никто не может ни на йоту изменить, и это прекрасно и нисколько не оскорбительно. Это извечно и справедливо. И я покоряюсь мудрости «приговора» Родины. Я вижу вмешательства, заусенцы, преступления, подлость, но никогда – итоговой ошибки: всё инородное отодвигается, всё настоящее «будет жить в своём народе»! Верую.

Не может быть культового поэта, признанного некоей элитой, исключаяющей глас народа. Не может! Исключение народности исключает и гениальность. Культивируйте хоть того больше! А народ-то «безмолвствует». А Рубцова с его поэзией он впустил в себя. И распел его по всем просторам. И Рубцов стал таким же ключевым словом русской культуры, русской цивилизации, как Пушкин, Свиридов, Ро-

мадин... Значит ли это, что Рубцов менее глубок? Значит ли это, что он «прост и доступен»? Нет. Это глубина, скользящая в нас через внешнюю простоту, порой открывающуюся даже ребёнку. И Пушкин так же естественно вливается в нас словом и мелодией с детских и отроческих лет – «как трава, как вода, как берёзы...». Поэзия Рубцова исключает всякое посредничество между ним и людьми, действует прямо и цельно. А открывается глубиной – всю жизнь. Поэзия Рубцова как явление присущего нам духа естественно разливается в нашей крови, душах, – вне всяких препон. «И буду жить в своём народе». И живёт! Только народный поэт может так обратиться к матушке своей, Родине, что она примет его и ласковое, дружеское «Привет, Россия», и предупреждающее, бережливое «Храни себя! Храни», – примет, как завет равного, своего, родного и близкого...

*Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, –
Воспрянув духом, выбегу на холм
И всё увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверно, другую...*

Николай ВАСИЛЬЕВ

Поездки

В ГОСТЯХ
У НИКОЛАЯ РУБЦОВА

«Надо мной между берёзой и сосной в своей печали бесконечной, плывут, как мысли, облака, внизу волнуется река, как чувство радости беспечной...», – читает мне Марина Николаевна Кошелева и жестами рук обращает внимание на стоящие друг против друга деревья у «рубцовского камня»...

Весь день мне мерещится детдомовский мальчишка, бегущий по траве, вниз, с угора – к любимой Толшме. Обязательно босиком. Он ловок и боек. Ладно сложен и тонок. Как хочется поймать этот бегущий хрупкий свет с пронзительными карими глазами и обнять его! И только я отвлекаюсь от рассказа моего чичероне, как слышу и слышу весёлый топоток его пятки.

Ничто! Ничто на свете так не наполнено присутствием Коли Рубцова, как святые места Никольского, Николы – затерянной в «сказочной глуши» Вологодской деревеньки! Нигде так материально и духовно зримо не встают строчки его стихотворений. Они сливаются с пыльной улочкой, прибрежными травами, плёсом Толшмы, могучими елями и берёзами, храмом, деревенскими домиками...

Марина Николаевна неторопливым повествованием «сливает» воедино для меня поэзию и мир Николы. Она, понимая я, отчасти мифотворит, но здесь мне совсем не хочется ничего оспаривать и сомневаться: чудо соединения поэзии и её осязаемой и зримой причины в «родимой окрестности» поэта очевидны.

Я поднимаюсь к церкви Николая Чудотворца от Толшмы:

*С моста идет дорога в гору.
А на горе – какая грусть! –
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.*

А завтра рано утром в «развалинах собора» я с Мариной Кошелевой и Сергеем Кусовым буду читать акафист Николаю Чудотворцу. Несколько раз подаст мне в руки текст его Сергей, а после чтения светло улыбнётся и скажет: «Вам нужно читать! Вы не сдерживайте себя». И я сразу соглашусь с ним, потому что... давно мечтаю спеть в церкви, спеть, может быть, в церковном хоре.

Марина и Андрей Кошелевы создали свой «диалог» с поэтом и Николой, выстроили его бережно и с любовью. Я бы очень осторожно ввел бы слово «мифологема», так как многое из поведенного и показанного мне творчески шивает очевидное и гипотетическое, не обязательно имеющее место быть в реальности, в прошлом. Ведь все мы понимаем, что любой поэтический шедевр шире, обобщительней всяких самых обольстительных очевидностей. Но и «конкретность» не обедняет его. И Марина распаивает мне простор у «рубцовского камня», показывая на погост в забвении, заросший травами и сосенками, и на тот, что «на том берегу»... И чудное совпадение волнует. А позже мы неспешно бредём на «тот», где в 2019 году нашёл последнее пристанище Андрей Кошелев, человек разносторонних и выдающихся способностей. Читая стихотворение «Тихая моя родина», понимаешь глубину и объёмность его замысла, привлечённость в окончательный его текст разновременных и разноместных впечатлений, но и «мифологема» Марины уже никогда не оставит тебя: так она властна здесь, на угоре у Толшмы, «между берёзой и сосной», у «развалин собора». Так плетётся культурологическое пространство, обнимая топос, имена, творения. Так наполняются полнотой впечатления от прочитанного, как Толшма вешними водами, ворячая гробами заброшенного погоста...

Слово и пейзаж сливаются постоянно. Порой они предельно документированы, что ли, как «Прощальный костёр» и место, где в последний раз поэт с друзьями испил «драгоценные забавы». Я волнуюсь. Я по-настоящему волнуюсь у «родного пепелища».

*Прощай, костёр! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...*

И речная отмель, плёс, изгиб реки, которые (непременно же!) стали частью того целого, что вылилось в шедевр «В минуты музыки печальной...». И я в наших пеших прогулках по Николе и Толшме, по «краю лесов, полей, озёр» созерцаю и

«чёрные бани по склонам крутых берегов», где действительно «повесился с горя какой-то пропавший мужик», и домик, где из горенки, куда «мировторно... по вечерам заглядывало солнце», и «песок горячий пляжа», где купался мой герой...

И разве мог я удержаться, чтобы не проплыть вечной, насквозь поэтической Толшмой. Я помню тот кадр, где уже лысоватый поэт бросается ловко, по-мальчишески в её воды... И так кстати оказались рядом со мной мальчишки «села родимого»! Мне так не хватало их в первый вечер брожений – как связующих знаков времён.

*Помню, как тропкой,
едва заметной,
В густой осоке, где утки крякали,
Мы с острогой ходили летом
Ловить налимов
под речными корягами.
Поймать налима не просто было.
Мало одного желанья.
Мы уставали, и нас знобило
От длительного купанья,
Но мы храбрились: –
Рыбак не плачет! –*

*В воде плескались
до головокружения
И наконец на песок горячий
Дружно падали в изнеможении!
И долго после мечтали лежа
О чем-то очень большом и смелом,
Смотрели в небо, и небо тоже
Глазами звезд
на нас смотрело...*

И – всё! Я радостно обратился в мальчишку. Ещё и ещё раз хватанул из прошлого благодатного очистительного света. Хватило бы и моим новым знакомым мальчишкам – большого и смелого – неба и звезд, возвышающей мечты. Да что там говорить – самого умения мечтать!

И я кинулся в воды Толшмы, и Марина фотографировала меня на фоне тёмноглазых ласточкиных жилищ, зыбкого песочного откоса.

**Николай ВАСИЛЬЕВ,
фото Марины КОШЕЛЕВОЙ**

Продолжение в следующем номере

